

*Моим родителям, Ирме и Мэку Уокерам,
посвящается*

Стремления человека должны превышать
достижимое, иначе зачем нужен рай?

Роберт Браунинг. Андреа дель Сарто

Предисловие к русскому изданию

Мне особенно приятно, что у меня появилась возможность предложить русскоязычным читателям перевод моей книги «Максимилиан Волошин и русский литературный кружок. Культура и выживание во времена революции». В этот труд я вложила свою любовь к истории России и Советского Союза и попыталась показать в нем, как самые яркие мечты российской дореволюционной интеллигенции встраивались в политическую и экономическую систему Советского Союза. Их мечты о справедливости, гуманности и красоте пережили советскую эпоху и сейчас живут на пространстве бывшего СССР, оставаясь путеводной звездой для многих жителей этого региона, которые стремятся сделать свою жизнь как можно лучше, надеясь создать как можно более прекрасный мир для своих детей и следующих поколений. Однажды Мартин Лютер Кинг произнес ставшие знаменитыми слова: «...дуга нравственной вселенной длинна, но она склоняется к справедливости».

За этот перевод я хочу выразить благодарность преданным своему делу и внимательным редакторам и сотрудникам «Академик стади пресс» Ксении Тверьянович, Ирине Знаешевой, Ивану Белецкому и Марии Вальдерраме. Отдельное спасибо Ирине Буровой за выполненный ею вдумчивый, изящный перевод этого текста. В качестве спонсоров этого проекта выступили вице-президент по научным исследованиям и инновациям Университета Невады, Рино; Колледж свободных искусств Университета Невады, Рино; и Фонд Ноубла исторического факультета Университета Невады, Рино.

Рино, Невада, 2021.

От автора

По мнению некоторых, авторские предисловия стали слишком длинными и служат способом не столько выражения признательности за помощь, оказанную коллегами, сколько определения места, занимаемого автором в системе профессиональных связей. Безусловно, в этом есть доля истины. Но даже в этом случае я хочу выразить свою искреннюю, глубокую благодарность тем многочисленным учреждениям и людям, которые помогли мне довести этот проект до конца. Разумеется, ответственность за любые допущенные в нем ошибки в фактах или их истолковании лежит исключительно на мне.

К числу этих учреждений относятся: Совет международных научных исследований и обменов; Американский совет преподавателей русского языка и литературы; исторический факультет, Высшая школа имени Горация Рекхема и Центр женского образования Мичиганского университета; Гуверовский институт войны, революции и мира; Фонд Джона и Мэри Ноубл для поддержки исторических исследований, исторический факультет Университета Невады, Рино; Колледж свободных искусств Университета Невады, Рино; и офис вице-президента Университета Невады по научной работе, Рино.

Я получила возможность апробировать свой материал и идеи на историческом факультете Мичиганского университета; в рамках Программы мирных исследований Корнелльского университета; на посвященном факультетским исследованиям коллоквиуме на историческом факультете Университета Невады, Рино; в Американской ассоциации славянских исследований; в Ассоциации истории социальных наук; на конференции «Патронаж при социал-демократии и государственном социализме: сравни-

тельное изучение послевоенной научной и творческой деятельности в Скандинавии и Восточной Европе», организованной Дьордем Питери в Норвежском университете технических и естественных наук; на конференции «Изобретение Советского Союза: язык, власть и репрезентация, 1917–1945», организованной Чой Чэттерджи и Карен Петроун в Университете Индианы, Блумингтон; в Гисенско-берклеевской мастерской «Культ личности в эпоху сталинизма: методы, опыт, значения», организованной Яном Плампером.

Среди читавших эту рукопись частично или полностью на разных стадиях ее готовности — мой научный руководитель и *Doktormutter* Джейн Бёрбэнк, Майкл Мейкин, Валери Кивельсон, Рут Бехар, Патрисия Тёрнер, Розамунд Бартлетт, Уолтер Пинтнер, Чой Чэттерджи, Дуглас Вейнер, Мэк Уокер, Ирма Уокер, Дуглас Джонс, Кристофер Хэмлин, Александр Шапошников, Дженет Рабинович, Джейн Лайл, Ребекка Толен, Рита Бернхард, Дон Оллила и два любезных анонимных читателя из *Indiana University Press*. Выражаю особую благодарность Ирине Паперно за ее щедрый интеллектуальный вклад в этот проект. А также большое спасибо Катерине Кларк, первой, кто познакомил меня и многих других с идеями антрополога Виктора Тёрнера в своей инновационной работе «Советский роман: история как ритуал», посвященной советским литературе и обществу. Очень многие помогали мне и при сборе исследовательского материала для осуществления этого проекта, и я не знаю всех поименно; могу лишь выразить глубокую признательность сотрудникам архива и администрации Дома-музея Максимилиана Волошина, Государственного архива Российской Федерации, Государственного литературного музея, Института мировой литературы, Архива Горького, Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Российского государственного архива литературы и искусства и Российского архива социально-политической истории за их доброе отношение и качественную организацию работы. Я также получила доступ к ряду личных архивов, в частности, к архиву Михаила Полонского и других, упомянутых далее. Спасибо всем тем, с кем я беседовала в про-

цессе работы, в том числе Иде Наппельбаум, Михаилу Поливанову, Анастасии Поливановой, Мирели Шагинян, Андрею Борисовичу Трухачеву и Анастасии Цветаевой, за то, что щедро делились своими мыслями и уделяли мне время. Среди лиц, материалы бесед с которыми не вошли в эту книгу, но тем не менее произвели на меня сильное впечатление, были Нина Берберова, Лидия Либединская, Лев Левин, Лев Горнунг, Вера Артисевич, Нина Федина и Юдис Коган. Константину Поливанову и его жене Ольге Поливановой известно, как сильно они помогали мне на каждом этапе этого пути — от приглашения к себе в дом одинокой и голодной магистрантки и предоставления мне копии неопубликованных воспоминаний деда Константина Поливанова о Волошине до помощи в получении фотографий, благодаря которым интеллектуальное впечатление от этой книги дополняется визуальным.

Однако более, чем кому бы то ни было, я обязана покойному Владимиру Купченко и его жене Розе Хрулевой. Ведущий российский специалист по Максимилиану Волошину, Купченко открыл, подготовил к печати и опубликовал множество, если не большинство, материалов о Волошине и его жизни, благодаря которым стала возможна эта книга; он лично снабдил меня как текстовыми, так и визуальными материалами, опубликованными и неопубликованными, а также оказывал помощь своими неоценимыми советами.

Дуг и Делия, вы — радость моей жизни. Как мне отблагодарить вас?

Рино, Невада, 2005.

Введение в трех частях

Максимилиан Волошин и его кружок

В течение всего дня можно наблюдать, как примерно в полутора километрах от городка по склону холма извивается тонкая цепочка паломников; в нерегулярном ритме крохотные черные фигурки то поднимаются вверх, то спускаются, то расходятся, то вновь соединяются. Если отправиться по этой тропе вслед за ними, она поведет вас вверх, к могиле Максимилиана Волошина — русского поэта, художника и культовой личности. Склон холма усыпан дикими цветами — приземистыми желтыми полевыми мальвами и бесконечно разнообразными крохотными голубыми и пурпурными цветами, но есть здесь и небольшие кочки, поросшие только травой; впрочем, если присмотреться, то можно увидеть в ней остатки стебельков сломанных или сорванных цветов. Последние шаги даются намного труднее, потому что подъем становится круче, и вы останавливаетесь, чтобы перевести дух и полюбоваться голубым блеском Черного моря, окинуть взглядом красноватые горы Карадага, а затем устремить взор на раскинувшийся внизу приморский городок Коктебель, где можно разглядеть крышу волошинского дома — который сам по себе является святыней, ежедневно притягивающей к себе десятки посетителей. На вершине вы увидите небольшие группы задумчивых людей, рассыпавшиеся по узкому гребню горы: вот девушки фотографируют друг друга на память у большой каменной плиты, под которой покоятся Волошин и его жена; вот пара в неоновых красно-желто-оранжевых спортивных костюмах; а вот — бабушка с внучкой: бабушка в пестром старомодном домашнем платье и дешевых белых шлепанцах, а ее спутница,

голенастый и непоседливый подросток, скромно одета в простую рубашку и шорты.

«Вот то, о чем ты мечтала!» — говорит своей подруге молодой человек в неоновой рубашке. И кладет желтую мальву поверх засохших полевых цветов, которыми усыпана могильная плита. Оба замирают на минуту, а затем отходят, чтобы обследовать опасный гребень холма. Высоко над ними стремительно носятся маленькие черно-белые пташки. Бабушка жестом приглашает внучку отдохнуть минутку на каменной скамье, установленной чуть ниже могилы, а затем они начинают спускаться по узкой тропинке, и бабушка то и дело сходит с нее, чтобы собрать растущую по краям душистую траву. Из лежащей далеко внизу долины долетают перекрывающие друг друга звуки пляжных дискотек — *эй, Макарена!* Падают несколько капель дождя. Когда же начинаете спуск вы, дождь усиливается, превращая тропинку в лоток с грязью, толстыми черными комками налипающей на обувь паломников. «Какая романтика!» — смеется одна из девушек, соскребая ее о камень. А потом все они внезапно исчезают за пригорками и скальными выступами в нижней части холма, разбредаясь по разным тропинкам, сбегающим к морю.

И пусть паломники пытаются скрыть смущенные улыбки — дань приступу постсоветского цинизма — они все равно приходят. Такую возможность предоставил им сам Волошин, пожелавший, чтобы его тело было погребено на вершине крутого холма, там, где он любил стоять, глядя на море. Думал ли он, что они будут тянуться сюда нескончаемой тонкой вереницей? Наверное, да. По крайней мере он надеялся на это, ибо он, хотя под конец жизни, конечно же, понимал, что не стал «вторым Пушкиным», как ему пророчили в детстве, приложил немало сил, чтобы запомниться как знаковая личность, оставившая след во времени, пространстве и истории той социальной группы, к которой принадлежал, — русской интеллигенции XX века. И в этом он преуспел, вопреки упорному противодействию советской власти, пытавшейся воспрепятствовать распространению славы о нем после его смерти в 1932 году. Эта слава распространялась долго и медленно, процесс начал набирать силу в 1950-е годы благода-

ря тонкой струйке организованных русской интеллигенцией поколения оттепели рассказов, вопросов, чтений и галерейных выставок, к середине 1980-х годов превратившейся в самый настоящий бурный поток книг и статей. К началу 1990-х годов известность Волошина — и его кружка друзей-интеллигентов — стала весьма широкой.

Если за пределами России он все еще малоизвестен даже среди интеллигенции и специалистов, то только потому, что мы, люди посторонние, не понимаем его мир должным образом. Наше внимание к русской интеллигенции — этой страстной, мятежной социальной группе, щедро вложившей свои таланты в литературу, политику, науки, музыку, изобразительное искусство — как правило, фокусируется на ее интеллектуальном, творческом и политическом вкладе в историю. В этом отношении Волошин, оставаясь второстепенным поэтом и художником, не удостоился всеобщего признания¹. Скорее он известен и любим представителями российской образованной элиты по причинам, которые для непосвященных остаются непонятными, прежде всего — за вклад, внесенный им во внутреннюю культурную историю русской интеллигенции в важнейший период ее развития, то есть в организацию, систему ценностей и самооценку социальной группы, которая упорно билась над этими аспектами своей истории на протяжении двух с лишним предшествующих столетий, но никогда так, как в годы перехода от имперского правления к советской власти². Только постижение этого главного факта позволит нам понять, почему люди нескончаемой вереницей

¹ По выражению одного из авторов воспоминаний, «его литературная деятельность была более блестящей, чем влиятельной, — о нем можно было бы сказать, как об одном из его любимцев — Вилье де Лиль-Адане: “Он был более знаменит, чем известен”. К этому необходимо добавить, что при всей ценности его литературного наследия (впрочем, известного немногим) он был еще интереснее и ценнее как человек — Человек с большой буквы, человек большого стиля» [Голлербах 1990: 504–505].

² Анализ проблемы идентичности интеллигенции западными исследователями проводится в [Malia 1961; Confino 1972; Brower 1967; Wirtschafter 1997: 90–91; Burbank 1994: chap. 6].

тянутся на вершину холма, к его могиле. История культа Волошина неразрывно связана с историей формирования его примечательного общественного класса, в особенности одного из его сегментов — литературной интеллигенции, породившей литературную традицию, которая в XIX–XX веках стала предметом великой национальной гордости и пристального политического внимания³.

Таким образом, в этой книге речь пойдет в равной мере и о культуре и обществе русской интеллигенции, в первую очередь литературной интеллигенции, и о самом Волошине. Подчиненность структуры повествования событиям в жизни одного человека может побудить читателей воспринимать книгу как биографию, возможно, как литературную биографию, поскольку речь в ней идет о поэте. Однако это не так⁴. Скорее в ней поднимается ряд взаимосвязанных вопросов, относящихся к культуре и обществу литературной интеллигенции — вопросов, прежде всего связанных с общественной организацией, — рассматриваемых сквозь призму биографии. Тем самым в ней делается попытка поместить личность в гущу исторического процесса не за счет традиционного подхода к изображению «великого человека», при котором исторические свершения приписываются в первую очередь действиям могущественных вождей, но, скорее, в новой проблематизированной форме, учитывающей влияние общественных наук, в особенности антропологии, оказываемое на

---

³ При разделении интеллигенции на ряд более мелких групп используются такие термины, как научная интеллигенция, культурная интеллигенция (элитная группа, в которую входят те, кто внес вклад в национальную культуру и идеологию, создав памятники культуры), революционная интеллигенция, высшая интеллигенция и массовая интеллигенция, не говоря о литературной интеллигенции, представляющей собой подгруппу культурной интеллигенции. С точки зрения лингвистики часть этих терминов обсуждается в [Mueller 1971]. Как будет показано в данной книге, литературная интеллигенция, отличающаяся формой своей производительной деятельности, могла бы рассматриваться как тесно переплетающаяся с другими группами интеллигенции и в плане личных контактов, и в плане общего жизненного опыта.

⁴ Одной из таких литературных биографий является [Купченко 1996].

область профессиональной истории. Такой подход позволяет проследить отдельную культурную тему, которая периодически всплывает в пределах конкретного жизненного опыта и со временем выходит за них. Плоды такого подхода весьма достойны: это новое понимание истории русской литературной интеллигенции, которое наилучшим образом достигается с точки зрения отдельного личного опыта, и новая пища для размышлений и описаний места личности в истории — как субъекта культурно-исторических сил, так и фактора, участвующего в их преобразовании⁵.

Волошин как уникальная историческая личность и выдающийся человек особенно подходит на роль объекта подобного исследования. Он тонко подстраивался под свое окружение, быстро усваивал уроки, которые оно ему преподносило. В то же время он оказался выдающимся в своем роде социальным организатором, хитрым и умелым манипулятором своей культурой, мастерски управляющимся с ее микродинамикой. Эти личные качества позволили ему тонко чувствовать культурный пульс своего мира. Этот пульс, главное направление исследования в данной книге, можно было бы назвать «кружковой культурой»: характерным образцом поведения русской интеллигенции и мышления, связанного с участием в интеллигентском кружке как форме общественной организации.

Кружок был ключевым явлением русской интеллектуальной жизни с конца XVIII века и продолжал играть важную роль с наступлением советского периода истории, поскольку в эти годы представители русской образованной элиты объединялись в мелкие группы, деятельность которых была направлена на

---

⁵ Детальный анализ термина «агентность» приводится в [Ahearn 2001]. Одним из наиболее авторитетных антропологов, занимающихся вопросами агентности и культуры, является Шерри Ортнер. См. ее основополагающую статью [Ortner 1984] и более позднюю монографию [Ortner 1996], в которых она вводит понятие «встроенной агентности» для объяснения того, как люди действуют в рамках культурных контекстов, чтобы изменить эти контексты. Это очень полезное понятие, которое в значительной степени перекликается с подходом к индивидуальной агентности, принятым в этой книге.

повышение интеллектуально-образовательного уровня и культурное развитие. Точное описание интеллигентского кружка с точки зрения социологии может оказаться сложной задачей: интеллигентские кружки широко варьировались по форме и назначению, от неформальных собраний школьников или студентов до элитных аристократических салонов, от профессиональных и научных кружков до многих других, в том числе литературных, о которых в первую очередь пойдет речь в этой книге.

Сильно различаться могли даже такие группы, которые, казалось бы, имели одинаковые цели и структуру; ведь основополагающим качеством кружковой культуры была абсолютная идиосинкразия каждого кружка, поскольку он состоял из уникальных людей, связанных между собой личными отношениями. И все же их объединяли некоторые значительные общие темы, определенные тревоги, тоска, образ мышления и тип поведения, то и дело проявляющиеся в разные моменты времени в разных точках пространства, когда одновременно, когда нет, что позволяет говорить о них как об общественно-историческом явлении, достойном изучения.

Волошин вошел в историю этой культуры, в начале XX века создав свой собственный кружок на Крымском полуострове, на задворках Российской империи. Его кружок существовал в поселке Коктебель, ранее болгарской деревне, который в то время быстро превращался в приморский курорт, излюбленный новой русской образованной элитой. При создании своего кружка Волошин полагался на собственное развитое понимание значения и потенциалов кружковой культуры — как положительных, так и отрицательных — в том виде, в котором он впервые постиг их в детстве, а затем — в ранней молодости, в кружках русских авангардистов конца XIX века. Когда летом все собирались в Коктебеле, он превращался в важнейшую эмоциональную и интеллектуальную гавань, убежище от преобладавшего в то время в литературных кругах авангардного движения — символизма, и способствовал воспитанию нового, более эклектичного поколения постсимволистов. К этому новому поколению принадлежали некоторые из наиболее ярких фигур в истории русской

литературы XX века, такие как Марина Цветаева, Владислав Ходасевич и Осип Мандельштам, а также многие другие интеллектуалы, дипломированные специалисты и мастера искусств, от инженеров до балерин. В дореволюционный период коктейльский кружок пользовался большим успехом, предлагая своим участникам возможность провести летние каникулы в уютной обстановке, наполненной интеллектуальными играми, литературным, театральным и эмоциональным общением, в процессе которого формировались личности и завязывались отношения, продолжавшиеся в зимний период в Москве и Петербурге. К началу революции кружок обрел прочную репутацию. Однако его вклад в историю интеллигенции этим не ограничился. Он еще сильнее закрепился в сознании и истории интеллигенции благодаря тому, как Волошину удалось пронести дух своего кружка через обе революции 1917 года, кошмарные годы Гражданской войны (имевшей катастрофические последствия для Крыма как последнего форпоста Белой армии) и возродить его в советский период.

В первые годы становления Советского государства Волошин, опираясь на популярность своего дореволюционного кружка, создал то, чему предстояло оказать реальное влияние на будущее интеллигенции при советской власти. В начале 1920-х годов он приглашал к себе на лето все больше советских писателей, лиц свободных профессий и других представителей интеллигенции, продолжая традицию интеллектуального общения, которой была обусловлена популярность его кружка в дореволюционный период. Однако эти интеллигенты были бедны, зачастую больны, они сильно пострадали во время войны и хозяйственной разрухи, и содержать их было дорого. Чтобы обеспечить экономическое выживание своего кружка, да и свое собственное, Волошин задумал интегрировать его в формирующуюся советскую систему бюрократизированного социального обеспечения и привилегий для элиты, предложив использовать свой дом в качестве официального места отдыха для русской интеллигенции, оплачиваемого советским государством. И это ему удалось. Его дача превратилась в своего рода ранний вариант дома отдыха — учреждение,

которое вскоре стало спонсироваться Союзом советских писателей в качестве обычного дома творчества для литераторов⁶. Появление дома отдыха стало симптомом существенных исторических перемен в отношениях между русскими писателями и Советским государством. К концу сталинской эпохи пребывание в доме отдыха или другом подобном курортном учреждении превратилось для писателей в одно из звеньев огромной цепи социальных услуг и привилегий, которая обеспечивала их зависимость от Советского государства, возможно, ничуть не меньше, чем бич цензуры и страх⁷. За эти привилегии писатели расплачивались лояльностью, покорностью и поддержкой государства. Этим отношениям было суждено оказать заметное влияние на судьбу русской литературы при советской власти.

В том, что свою роль в этом процессе сыграл кружок Волошина, прибежище для некоторых из самых пылких творческих личностей в русской литературе XX века, заключается ирония — возможно, болезненная — истории русской интеллигенции. Такое развитие событий не было преднамеренным, и ответственность за него лежит не только на Волошине. В этот период другие представители русской литературной интеллигенции столь же деловито приспособливали различные кружки к формирующейся государственной бюрократии, не осознавая конечных последствий своих действий: они не ожидали, что государство, прочно удерживая литературный кружок в своих руках, упразднит его как форму организации постановлением 1932 года, направленным против кружков, и в 1934 году учредит Союз советских писателей в качестве единственного института российской литературной жизни⁸. Под давлением времени и неподвластных им сил эти интеллигенты просто следовали логике кружковой

⁶ Первое описание дачи Волошина как дома отдыха было дано писателем-символистом Андреем Белым в написанной в 1934 году статье «Дом-музей М. А. Волошина». См. [Белый 1990: 509].

⁷ Подробно об этих привилегиях и социальных услугах см. [Garrard, Garrard 1990].

⁸ Постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» 23 апреля 1932 года. См. [Фогелевич 1936: 50].

культуры: они пытались добиться наилучшего результата для себя и своих коллег, используя привычные для себя культурные инструменты в новых условиях, предлагаемых государством.

Между тем их действия актуализируют вопрос об агентности. Наблюдать энергичную борьбу этих писателей за место в советской системе — означает получить неожиданно сильное впечатление касательно способности писателей управлять собственной судьбой в первые годы советской власти, что идет вразрез с устоявшейся традицией воспоминаний и научных исследований, в которых в данный период становления советской власти русский литературный мир изображается беспомощным перед лицом государственного гнета⁹. И эта способность приносила им пользу. Как будет показано в книге, помимо реальных материальных преимуществ данной системы привилегий и социального обеспечения, сделка, на которую они пошли, в известной степени также позволила им сохранить некоторые привычные черты кружковой культуры. Волошин перенес интеллектуальные и духовные ценности своего кружка в самое сердце советской системы, где они продолжали влиять на новое поколение интеллигенции 1950–1970-х годов — поколение оттепели, которое в конце концов обрушило Советское государство. Чтобы понять смысл этой истории, необходимо сначала обратиться к кружковой культуре как таковой.

Культура русского литературного кружка между структурой и антиструктурой

Одной из важнейших тем при изучении кружковой культуры является постоянная, живая взаимосвязь идентичности российских интеллигентских кругов как идеалистической, антиматериалистической и антииерархической формы человеческого сообщества и их потенциала одновременно служить гораздо более

---

⁹ См., например, [Eastman 1972; Read 1990: esp. 57–93]. О доводах в пользу того, что интеллигенция обладала более высокой агентностью, чем та, которая ей приписывалась, см. [Fitzpatrick 1992a].

практическим целям профессионального и экономического развития, как личного, так и корпоративного. Взаимосвязь этих двух тенденций иногда доходила до напряженности, порой они поддерживали друг друга, но она всегда была присуща феномену кружка, с момента его зарождения и вплоть до его окончательного упразднения в советский период.

Чтобы понять эту взаимосвязь, нужно рассмотреть исходные условия появления интеллигентского кружка в широко распространенной русской социальной и общественной культуре сильных и жилистых личных политических и экономических связей, нерушимых цепочек оказания протекции и системы сложных, но всеохватных отношений взаимных обязательств и ответственности. Поведение, способствующее поддержанию такого общественного порядка, было важным компонентом культуры русской элиты начиная как минимум со Средних веков, и в различных формах также проявлялось и во многих других слоях русского общества. Этот глубоко прагматичный по сути общественный порядок предполагал культивирование личных связей во имя физического выживания и экономического прогресса. В наши дни социологи и экономисты порой пренебрежительно называют такой тип культуры «коррупцированным». Между тем он лежал в основе самой структуры политико-экономических отношений в России раннего Нового времени и императорского периода, прежде всего в основе отношений между Российским государством и обществом, которым оно стремилось управлять. Особую силу и отличие этому типу культуры придавали его корни, уходящие в глубь русских семейно-бытовых традиций, патриархальной власти и клановых отношений в правящей элите¹⁰. Также она была очень тесно связана с весьма специфической культурой коллективной ответственности, в Средневековье и раннее Новое время объединявшей русских в круги и цепи взаимопомощи и взаимной ответственности

---

¹⁰ Об этом явлении в Средние века и раннее Новое время см., например, [Keenan 1986; Kollmann 1987; Kivelson 1996; Crummey 1983]. О нем же в имперский период см., например, [Meehan-Waters 1982; Ransel 1975; Rieber 1982; Hoch 1986].

[Dewey, Kleimola 1970]. На протяжении всей ранней истории России эта семейно-коллективная культура взаимопомощи и протекции оказывала влияние на политические вопросы обязательств, прав, контроля и баланса, несмотря на предпринятые к началу XVIII века невероятные усилия со стороны некоторых представителей государства, направленные на введение системы более объективных критериев.

Первоначально русская светская интеллектуальная жизнь была инспирирована и взлелеяна государством Российским и на ранних этапах своего существования находилась под мощным влиянием взаимозависимых отношений государства и общества, особенно — государства и общественной элиты. Петр Великий внедрил свойственный аристократии обычай отправлять некоторых отпрысков дворянских семейств в Западную Европу для получения европейского образования. Он также стал первым правителем России, спонсировавшим появление первых немногочисленных научных и образовательных учреждений. Он проводил эту политику в основном с целью укрепить функционирование своего нового государства, империи, за счет увеличения количества хорошо образованных, компетентных государственных служащих, как военных, так и гражданских. По этой же причине в органах управления государством он пытался противопоставить ценность личных заслуг протекционизму и семейным связям. В этом заключался смысл «Табели о рангах» — введенной им новой системы управления продвижением по службе военных и гражданских чиновников в соответствии с подробным квалификационным списком. Впрочем, историк России XVIII века Бренда Михан-Уотерс установила, что в 1730 году верхние строки «Табели о рангах», предположительно независимо от заслуг, занимали в основном представители определенных высокопоставленных семейств и кланов, и точно таким же образом более традиционные отношения оказывали большое влияние в новом мире образованной элиты [Meehan-Waters 1982]¹¹. В Рос-

---

¹¹ Влияние традиционной клановой и персонифицированной политики на правление Петра Великого подробно рассматривается в [Bushkovitch 2001].

сии XVIII века близкие к источникам политической власти первые учебные и научные заведения и организации могли серьезно страдать из-за практики личных связей и протекционизма в придворных и клановых кругах¹².

Под влиянием культурных, интеллектуальных и политических амбиций Екатерины Великой конец XVIII столетия стал эпохой возникновения оживленной новой литературной и интеллектуальной сферы¹³. Продолжая и развивая петровскую практику вестернизации российской элиты, побуждая ее читать книги, посещать литературные салоны и часто бывать в театре, Екатерина получила в свое распоряжение определенную критическую массу. Создав в 1783 году условия для относительно свободной печати и в значительной степени покровительствуя ей, она внесла большой вклад в развитие книгоиздательства, журналистики и других видов литературной деятельности¹⁴. Однако, поощряя заимствование идей западного Просвещения разрастающимся новым миром русской печати, она все менее охотно мирилась с публичным применением этих идеалов к российской политике и обществу. Она довольно жестко, особенно после 1790 года, контролировала литературную и интеллектуальную сферу посредством самовластного правления и цензуры, а также используя возможности, открываемые покровительством.

В результате подобного гнета и противоречий, усиливаемых возрастающим количеством образованных людей, к концу века русская интеллигенция преисполнилась новым духом, который обычно связывают с появлением так называемой русской оппозиционной интеллигенции как социальной группы, резко критически настроенной по отношению к российскому государству и царящему в нем общественному порядку. Этот дух представлял собой смесь бунтарства и идеализма, отрицание того, что вос-

¹² Пример влияния придворной политики на интеллектуальную жизнь приводится в [Black 1986].

¹³ Общая характеристика Екатерины Великой и расширения интеллектуальной сферы в период ее правления приводится в [de Madariaga 1981: 532–548].

¹⁴ О развитии печати см. [Marker 1985]. Более подробные сведения о влиянии патронажа на литературную жизнь приводятся в [Jones 1984] и [Clardy 1967].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru